

УДК 140-8

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, ЕЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И СТЕРЖНЕВЫЕ ЛИНИИ

И.М. Братищев - д. э. н., проф., академик РАЕН, руководитель научно-исследовательского отдела МСИ, Первый зам. Председателя ЦС РУСО.

Аннотация. В статье анализируется процесс перехода от неоиндустриализма к эпохе нано-. Био-, IT, когнитивных технологий, а по существу: от аналоговых к цифровым киберсистемам. Раскрывается западный подход к исследованию социальной эволюции и делается вывод, что его использование приводит к ложным выводам и губительной для России практике, приведшей к созданию в стране периферийного сервисно-центричной экономике. Утверждается необходимость освобождение России от капитализма и создания мироустройства, нацеленного на бережливое использование природно-адаптационного потенциала Земли.

Ключевые слова: формация, цивилизация, социальная эволюция, цифровые технологии, развитие.

SOCIAL EVOLUTION, ITS HISTORICAL LOGIC AND CORE LINES

I.M. Bratishchev - Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences

Annotation. The article analyzes the process of transition from neo-industrialism to the era of nano-. Bio-, IT, cognitive technologies, and essentially: from analog to digital cybersystems. The Western approach to the study of social evolution is revealed and it is concluded that its use leads to false conclusions and disastrous practice for Russia, which led to the creation of a peripheral service-centric economy in the country. The necessity of liberating Russia from capitalism and creating a world order aimed at the thrifty use of the natural adaptation potential of the Earth is argued.

Keywords: formation, civilization, social evolution, digital technologies, development.

В наши дни только прожжённый консерватор не замечает того очевидного факта, что мир переживает состояние мучительного перехода от не оиндустриализма к эпохе нано-, био-, IT-, когнитивных, кибертехнологий, соединяющих в себе механические и биологические начала в организованных системах живых организмах и в обществе. Подтверждается еще и еще раз марксистская теория общественно-экономических формаций и она остается методологическим инструментом выделения той или иной формы общества в прошлой истории человечества или будущей. Но каким станет это будущее – обществом «завершенного гуманизма», о котором мечтали основоположники марксизма (первый робкий шаг к нему был сделан в Советском Союзе стараниями наших предков) или продолжит оставаться сгенерированным на Западе капитализмом, правда, уже «инклюзивным» [1]? Останется ли мир эрой человека или эволюционирует в эру роботов?

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, нельзя не заметить, что наряду с формационным подходом к истории в теории имеет место и подход цивилизационный. Эти два подхода не пересекаются, лежат в разных плоскостях и поэтому их нельзя рассматривать ни как конкурирующие, ни как равноценные.

Происходящие в третьем десятилетии XXI века метаморфозы, связанные с переходом от аналоговых к цифровым киберсистемам и интенсивной кибернетизации производительных сил общества вызывают, по крайней мере, следующие взаимосвязанные процессы: во-первых, стремительное ускорение НТП, влекущее за собой смену технологических циклов (укладов); во-вторых, не менее стремительную деграцию (саморазрушение) сложного социобиологического, формационного и цивилизованного явления, каким выступает капитализм, что проявляется в нарастании аморализма и

дегуманизации, вытекающих из самой сущности этого общества (в нем, как и в животном мире, господствует индивидуализм, но не зоологический, а имеющий социальные корни) [2]; в-третьих, существенное изменение в демографических природно-экологических, политических и социокультурных мировых процессах; наконец, в-четвертых, перетекание холодной фазы Мировой войны - этого порождения капитализма на высшей стадии его развития - империализма, в фазу горячую с целью парализовать исторически преобразующую деятельность человека.

Все эти процессы напрямую затрагивают Россию, вмонтированную вначале в капитализм, а затем втянутую в войну в «средней» зоне, то есть на территории Украины, государствами НАТО. Пока что в эту глобальную бойню не включены напрямую Китай, Индия, латино-американские и африканские страны. Но это дело времени, поскольку XXI столетие уже зарекомендовало себя веком смертельной схватки антигуманизма с гуманизмом и стремлением поставить НТР над человеком.

Считается, что идею признать стержневой линией социального прогресса «Изменение статуса и исторической роли» человеческих знаний впервые обозначил Дэниел Белл – профессор Гарвардского университета. В чисто американском стиле, игнорируя все существующие в мировой науке представления на это счет, он предложил использовать в анализе социально-исторического процесса, так называемый, «осевой принцип» и включить в научный оборот (это касается философии и социологии) понятие «постиндустриализма» [3].

Исходя из этого, социальная эволюция по Д. Беллу приняла следующий вид:

доиндустриальное общество; индустриально общество;
постиндустриального общество (его иногда называют неоиндустриальным обществом). Характерными чертами последнего являются: а) переориентация экономики с производства товаров на сферу услуг, и возникновение на этой

основе «цивилизации услуг» (Ж. Фурастье), а затем и «общества потребления» (справедливости ради, следует отметить, что кризис западных экономик, случившийся в 70-х годы прошлого века, практически исключил это понятие из числа употребляемых словоформ в социологии, что отнюдь не препятствовало его использованию в общественно-политической практике); б) формирование нового способа организации технологической сферы, т.е. собственно способа производства, характерными чертами которого становится создание и использование интеллектуальных ИТ систем, позволяющих прогнозировать, планировать и контролировать само технологическое развитие; в) переустройство стративной структуры общества, что проявляется в профессиональной дифференциации социума, трансформации трудовых ресурсов, основанной на возникновении новых и новейших технологий; г) коренная перестройка институциональной организации общества с выдвижением на первый план базисных оснований постиндустриализма и тех его социальных научных структур (в данном случае университетов), в которых зарождается новое знание; д) модификация культурной сферы, т.е. области освоения, гуманизации и облагораживания человеком природы, самого себя и общества

Внешне формальной стороной всех этих процессов выступает *технологизация*, а внутренней, содержательной, следуя исторической логике, - *ориентация на интеллектуализм*, усвоение и транслирование в культуру лучшего исторического опыта.

Как видим, постиндустриализация появляется в повторении (циклическом восхождении) определяющих черт индустриального общества. Но тогда каков это постиндустриализм? Развивая подход Д. Белла, французский экономист и социолог Жан Фурастье усмотрел в постиндустриализме замену классового деления профессиональными (гильдийскими) корпорациями, в возвращении в управленческую иерархию университетов, элитаризацию общества, реабилитацию религиозного и религиозно-мистического опыта и много другое.

И лишь российский ученый В. Э. Багдасарян прямо назвал эту выдумку *ложной стратегией развития, дезинформацией* (в данной случае теоретической), призванной навязать своим геополитическим конкурентам (ранее СССР, а затем и России) *ложный путь развития*. Проще говоря, направить его и, другие государства по пути деградации. «Далеко не все страны, - отмечает В. Э. Багдасарян, - подобно СССР (России), подпали под обаяние постиндустриалистского концепта. Один из главных геоэкономических вызовов современности состоит как раз в «атаке неоиндустриалов». Ряд прежде периферийных стран (по всей вероятности, автор имеет в виду Китай, Индию и другие страны И.Б.) избрал своим ориентиром ту самую стратегию форсированного индустриального развития, на которое в свое время ориентировался СССР. Россия отказалась от нее в пользу приманки постиндустриализма, тогда как другие (имеется ввиду США и их сателлиты - И.Б.) с успехом применяют ее в мировой экономической гонке» [4].

Ложным следом надо признать и «сервисную трансформацию» экономики, формирующую экономику предложения и создаваемую в современной России в точном соответствии с рецептурой постиндустриализма. Практическое воплощение она нашла в резком сокращении обрабатывающей промышленности, а также отдельных отраслей сельского хозяйства, например животноводстве, добычи полезных ископаемых (за исключением нефти, газа, золота, алмазов и т.п.), производства и распределении электроэнергии и т.д. Одновременно наращивается производство зерна и увеличивается его экспортная квота, расширяется собственно торговля финансовая деятельность, сфера платных коммунальных, социальных и персональных услуг (в частности, медицинских), в услуги записали даже образование. То есть, следование теоретическим постулатам постиндустриализма на практике оказалось не столь безобидным.

В России все это привело к усилению позиций тех направлений экономики, которые относятся к сфере движения фиктивного (паразитического)

капитала. Последний же не представляет собой ни материально-вещественных, ни духовных ценностей, поскольку он не связан непосредственно с производством. У нас в стране процесс деиндустриализации приобрел поистине революционный (а точнее контрреволюционный характер) и совпал со стремлением многих, почитавших себя обделенными Советской властью, обогатиться за счет общественной собственности. Тем самым решилась задача, поставленная «миросистемным центром», сконцентрированным в двух точках мира - Северной Америки и Западной Европе: превратить Россию в страну «периферийного капитализма» [5].

Признаки такого периферийного сервисноцентричного состояния любой страны хорошо известны. Они проявляются: *во-первых*, в переориентации экономики с удовлетворения национальных потребностей на обслуживание внешнего потребителя и моноспециализации, что вынуждает страну донора односторонне развивать лишь сферы производства сырья (в России это нефтегазовый комплекс, частично производство электроэнергии и растениеводство в сельском хозяйстве); *во-вторых*, в социальной анклавизации, означающей проведение сознательной политики «сверхполисов», создания огромных городских агломераций с одновременной люмпенизацией провинции, вынужденной выстраивать такие же финансово зависимые отношения с Москвой, какие Москва имеет с Западом, пытаясь быть для него удобным «партнером»; *в-третьих*, в использовании известной с древности управленческой модели по типу: «разделяй и властвуй» с сохранением федералистского национально-территориального устройства, при котором всегда сохраняется возможность провоцирования этнических конфликтов, позволяющих снизить градус общей критической массы недовольства населения; *в-четвертых*, в наличии криминальных анклавов и в расчете на сохранение сложившегося порядка вещей, непринятие мер необходимых для их ликвидации.

Но что явилось и является причиной перечисленных деформаций? Можно ли их не допускать? Кто в них повинен и что делать, чтобы ускорить возвращение на путь социального прогресса?

Представляется, что помимо многократно описанных субъективных и объективных причин социальной деградации и погружения общества в состояние экзистенциальной спячки, в том числе причин конспирологических, нельзя не обратить внимание на следующие обстоятельства. История распорядилась так, что после освобождения от монголо-татарского ига, Россия столкнулась с другой напастью - откровенно враждебным отношением западно-европейских государств, отделенных от нее изотермической линией и потому более благополучной с природно - климатической точки зрения, и Турцией, возникшей в малой Азии в результате завоевательных войн XIV-XVI веков и сложившейся в обширную Османскую империю.

Необходимо признать, что историческое ядро славян сложилось и поначалу развивалось в рамках западной цивилизации и первые славянофилы, выступавшие за самобытность своих народов, их независимости от Австро-Венгерской и Оттоманской империи, одновременно были и европеистами (в последствии за частью из них закрепилось название «западники») и русофилами, в XIX веке получившими название «славянофилы». Отсюда «западникам», тяготевшим к германской, римско-католической и протестантской цивилизации стали противостоять «восточники» - русские патриоты-почвенники, ставшие апологетами православия.

Как видим, совсем не случайно славянофильская (почвенническая, крестьянская) модель мировоззрения в своем существе умиротворенно-риторическая и державно-охранительная стала в России исторически преобладающей. Этим и определилось многомерное противоборство и непрерывающаяся конфликтность между славянофильством, представленным великорусами, малорусами и белорусами, и западничеством в самой России, определившее особенности социальной эволюции в нашей стране и ее

стержневые линии. Многовековой опыт свидетельствует, что превалирование в России западничества в любой его форме (за редким исключением, каким была эпоха Петра I) всегда приводило к деструкциям и дисфункциям. Не стали исключением и последние 30 с лишним лет разгула в нашей стране западнизма (А. А. Зиновьев) [6], а вместе с ним и постиндустриализма.

Возникает вопрос: как с этой позиции выглядит современный мир, в котором капиталистическая общественная формация, генерированная преимущественно Западом - близка к закату? Мир, в котором Запад теряет свое лидерство, тотальную гегемонию и монополярность, а в глобальных миропроцессах все явственней проявляется артикуляция новых гуманистических ценностей и смыслов обращенных ко всему человечеству, и основанных на традициях, которые общество если оно не жалеет погибнуть, просто обязано взять в будущее, тем более, что на глазах рушится экономическая основа мировой гегемонии коллективного Запада- финансовая система, торговый баланс, распадаются созданные им союзы, в целом Запад дегуманизируется (расчеловечивается). И все это потому, что за несколько столетий своего существования в капиталистическом облики он проявил себя как принципиальное неравновесное образование, в котором есть центр (сейчас это пока еще Соединенные Штаты Америки), всасывающий в себя деньги, энергию и интеллект, и периферия - непрерывно беднеющий поставщик ресурсов: нефти и энергоносителей, но главным образом «мозгов».

Западный концепт социальной эволюции выстроен на апелляции к «общечеловеческим ценностям» и, якобы, универсальному мировому опыту. По существу, в рамках этой парадигмы развивались известные буржуазные теории: стадий экономического роста У. Ростоу, индустриального общества Дж. Гэлбрейта, уже упомянутая теория постиндустриализма Д. Белла, наконец, супериндустриального общества О. Тоффлера, модифицированная в начале XXI века в концепцию «цифровой экономики» (подробный разговор о ней сегодня актуален как никогда).

Так, О. Тоффлер считает, что историческая (социальная) эволюция не может быть описана в виде линейного, плавного развития. Она осуществляется через социальные противоречия и конфликты (не являющиеся, однако, хаотичными) и укладываются в общую картину изменений, протекающих через некие интервалы дискретности. Этот процесс подобен вечно живому океану, через который время от времени перекачиваются огромные волны, втаскивая в поток изменений всех людей. И вследствие этого люди становятся участниками формационных и цивилизационных трансформаций. В социальном прогрессе, согласно О. Тоффлеру, взаимодействуют четыре сферы: техно-, социо-, инфо- и психосфера, но решающую роль во волнообразном потоке изменений играет первая из них, т.е. техносфера. Отсюда источником и движущей силой нововведений в обществе выступают технологические революции. В зависимости от их характера определяется сущность возникающих при этом цивилизаций: а) аграрной или сельскохозяйственной (первая волна); б) индустриальная (вторая волна); в) технологических и социальных трансформаций (третья волна).

Разумеется, каждая новая такая цивилизация (по Тоффлеру) возникает в пределах предыдущей, которая по многим причинам себя изживает. Так, основными причинами затухания волны индустриальной цивилизации стали: во-первых, перенапряжение биосферы под воздействием непрерывных и неконтролируемых индустриальных атак; б) конечность невозпроизводимых природных ресурсов (невосстанавливаемой энергии как основы индустриального развития) [7].

Отмечу, что значительно раньше американского социолога, философа и футуролога поэтапную парадигму социальной эволюции предложили основоположники марксизма, противопоставившую диалектико-материалистическую позицию различным идеалистическим представлениям, господствовавшим в науке. Полемизируя со своими оппонентами и утверждая экономический фактор в развитии истории определяющим, они никогда, тем не

менее, не считали его единственно возможной причиной исторических трансформаций. «Если же кто-нибудь искажает это утверждение в том смысле, что экономический момент является будто бы *единственно* определяющим, - подчеркивал, например, Ф. Энгельс, то он превращает это утверждение в нечего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [8].

Тем не менее, О. Тоффлер старательно обходил, думается, все же известную ему, формационную схему развития, утверждая, что третья гигантская волна технологических и социальных трансформаций вызвана нарастающим и повсеместным распространением компьютеров, лазерной техники, биотехнологий, генной инженерии, информатики, электроники, теле- и видеокommunikаций. Именно они составляют, по его мнению, основу супериндустриального общества, базирующегося на энергетике возобновляющихся, а не истощающихся источников. В результате главными факторами развития (эволюции) становятся интеллектуальные технологии. Пролетариат, т.е. наемный рабочий - придаток машины, отчужденный от орудий и средств производства, сменяется «когнитариатом» - интеллектуальным работником, способным работать со все более сложной и разнообразной информацией. В процессе преобразований предприятий «индустриальной цивилизации» в предприятиях «супериндустриального общества» возрастает безработица (структурная, технологическая и временная), связанная с коренным изменением характера и содержания труда. Возникает новый тип работника - «произребитель», т.е. производитель и потребитель в одном лице, и все активнее вовлекаемый в производство и принятие управленческих решений.

Размышляя о будущем, автор концепции супериндустриального общества приходит к выводу, что если из противоречий порождаемых столкновением Второй и Третьей цивилизационных волн, т.е. зарождающейся индустриальной и уходящей в прошлое сельскохозяйственной цивилизации возникли многочисленные революции, контрреволюции и войны второй половины XVI-XX веков, то из столкновения Третьей волны со Второй происходят: а)

экономический кризис, вызванный хищническим отношением к природе с губительными последствиями для человечества; б) «информационное загрязнение»; в) борьба за информационные ресурсы и «инфовойны»; г) широкое распространение психогенных катастроф и психических заболеваний. Выход ученый видит в вовлечении человечества в глобальную революцию Третьей волны, несущую ему «первую действительно гуманную цивилизацию в известной нам истории», в создании ценностей за пределами рынка, в более быстрой, эффективной и безболезненной адаптации общества к ускоряющимся трансформациям в техносфере, экономике и культуре.

Все так. Но можно ли на основе только приведенных констатаций осмыслить логику социальной эволюции в том ее прогностическом варианте, который не предполагает апокалипсиса, т.е. гибели всего сущего на Земле? Суть социально-экономических преобразований, необходимых обществу, устремленному в будущее, нельзя раскрыть вне рамок исследования. Закономерной системы качественно отличных друг от друга способов производства, вне рамок освобождения познания от деформаций апологетического и диалектического свойства.

Разумеется, никакая теоретическая схема (в нашем случае формационно-цивилизационная) не может претендовать на объяснение всего многообразия исторического прогресса во всей его конкретности. Во все времена «гладко было только на бумаге». Поэтому исследователя должна занимать логика исторического процесса, закономерный ход всемирной истории очищенный от частных и случайностей, всевозможных зигзагов и понятных (регрессивных) движений, вспять, что и произошло с нашей любимой отчизной. Ученого должен интересовать глубинный (сущностный) уровень развития общества как естественно исторического процесса. Проникнуть же в него невозможно без анализа. Наиболее общие для длительного промежутка времени характерных (эпохальных) черт и событий, отражающих степень полной зрелости общества на определенной стадии его развития и приобретших те или иные классические

формы своего выражения. Это предполагает исследование основных этапов научно-технологического развития, во взаимодействии с факторами, составляющими генотипы цивилизации: природно-экологическими, экономическими, демографическими, социально-политическими, социокультурными и др.

Современная научно-техническая революция, будучи по своему содержанию *революцией в производительных силах*, обуславливает глубокие качественные изменения во всей системе общественного производства, главные компоненты которых хорошо известны: всеобъемлющая и интенсивная интеграция науки и производства и, как следствие, превращение науки в непосредственную производительную силу, внедрение в производство принципиально новых видов техники, типа промышленного производства и качественно новых систем управления, совершенствование организации труда и совокупной рабочей силы, резкое повышение дееспособности труда.

Одновременно важные изменения должны происходить в сфере производственных отношений, что находит свое проявление, в первую очередь, в росте обобществления производства, в трансформации в формах собственности, в усилении человеческого фактора, гуманизации производства, укреплении интеграционных связей и т.д.

Мы видим, таким образом, что глубокие преобразования должны затрагивать развитие всего общества, касаться они должны всего «способа производства» как конкретно- исторического единства производительных сил и производственных отношений. В настоящее время в мире существует два основных таких способа производства и соответствующих им формаций - социализм, представленный преимущественно КНР с его «китайской спецификой» и капитализм, интегрированный в основном в странах коллективного Запада и на его «периферии» - государствах так или иначе, связавших себя с западным жизнеустройством. Включая Россию (а это бóльшая часть мира). Однако во всех странах мира экономика продолжает оставаться

многоукладной, а, следовательно, и переходной. Во многих из них эта многоукладность была порождена системой колониализма и впитала в себя все основные свойства формационных и цивилизационных противоречий: частнокапиталистического уклада базирующегося на частнокапиталистической собственности; государственного и частноиндивидуального укладов, основу которых составляет, соответственно, государственная и частнотрудовая собственность; монополистического уклада, важнейшей особенностью которого явилось формирование и развитие разнообразных монополистических объединений (картелей, синдикатов, трестов, концернов) и, следовательно, монополистической (корпоративной) собственности, усиление дальнейшей концентрации и централизации производства и приведшее к слиянию промышленного и банковского капитала, и образование на этой основе финансового капитала, занявшего ключевые позиции в экономике, подавляющей части стран мира.

Главное не состоит в том, что по своему содержанию производственные отношения всегда имманентны исторически определенному способу производства. В любом обществе они испытывают на себе влияние других отношений, модифицируются конкретно-историческими условиями и другими многообразными обстоятельствами. Тем самым подтверждаются выводы, к которым в свое время пришел Гегель, считавший, что каждый период отличается руководящим положением какого-то народа, который познав на этой ступени «в самом себе общий дух», передает эстафету другому народу. Речь здесь идет именно о процессе исторического развития, об исторической закономерности, т.е. об объективно существующей, повторяющейся существенной связи явлений социально-экономической жизни, проходящей в своем движении различные этапы развития. Подобно движению природы, этот процесс не знает прерывания. Отсюда, вопреки небезызвестным заявлениям Ф. Фукуямы, история не имеет конца. Конечными могут быть только этапы (эпохи) социальной эволюции, продолжающейся до тех пор, пока на Земле сохраняется человечество.

Системный и затяжной кризис капитализма - общей кризис, как определил его В. И. Ленин, привел к тому, что к началу третьего десятилетия XXI века генерированное «Западом» общественно-экономическое мироустройство стало стремительно терять устремленность в будущее (А. А. Зиновьев). «Запад» при всей его агрессивности и могуществе уже не удерживает мирового лидерства. Наиболее явственен упадок и закономерное старение капитализма, нашедшее проявление в усилении его монополизма, паразитизма и загнивания с момента разрушения Советского Союза (Большой России). Раньше в ходе развязанной им «холодной войны» он еще знал «красные линии», очерченные СССР и не рисковал их переступить. Но испытав головокружение и эйфорию от, по существу, дармовой возможности использовать ресурсы огромной страны и, казалось, близкой победы над своим геополитическим противником капиталистический Запад в конце- концов надорвался в экономическом, политическом, идеологическом и военном отношениях. Пока это еще не стало его катастрофой, но признаки агонии наблюдаются во всей его системе в целом и в каждом из укладов этой системы. И главный из этих признаков - *утрата доверия к капитализму, как таковому* [9].

Запад дряхлеет на глазах и заметно слабеет. Перспективы его гегемонии окончательно растворились в прошлом. Однако для человечества в этом своем бифуркационном состоянии он еще более опасен, чем был в прошлом, поскольку утрата доминирования, а вместе с ним и доверие, означает для него потерю всего, что нажито за столетия колониального господства на планете. Политика самодостаточности не для Запада. «Питательным бульоном» для него всегда была внешняя экспансия. Но центр доминирования перемещается в Тихоокеанскую зону- в КНР, Индию, в регион «азиатских тигров», в Японию, то есть на Восток и когда возникает разговор об основных игроках современной мир - системы (Валлерстайн), то все более очевидно, что таким игроком, говоря обобщенно, становится группа восточных стран. XXI век все явственнее проявляет себя веком Востока, ресурсный потенциал которого (включая

человеческий и интеллектуальный) заметно превышает совокупные потенциальные возможности коллективного Запада.

В складывающихся условиях более, чем абсурдным выглядят рассуждения об отсталости Востока, якобы, имманентно ему присущей. И тем не менее они продолжают воспроизводиться не только в западных СМИ, но и в теоретических построениях различного толка. Их цель - прямо или косвенно обосновывать политику экономической экспансии, а по- сути неокOLONиализма, служить инструментом ее прикрытия. Этой цели служат как старые (времен «холодной войны»), так и новые мирообъяснительные концепции. Такие, например, как:

- цивилизационная теория А. Тойнби (получившая в дальнейшем развитие в работах С. Хантингтона), призванная заменять собой формационную теоретическую схему и утверждающая основными субъектами развития мир-системы цивилизации и сверхцивилизации;
- теория конвергенции (сближения) двух социально- экономических систем Дж. Гелбрейта;
- концепция модернизации Ч. Кули и др., ставшая одним из содержательных аспектов индустриализма и постиндустриализма и фиксирующая содержательный сдвиг в эволюции социальности;
- теория мир-системы И. Валлерстайна, субъектами которой являются страны Центра, полупериферии и периферии;
- теоретические разработки Римского клуба, основанными адресантами которых признаны страны богатого Севера и бедного Юга;
- концепция политкорректности, скрывающая идеологические, экономические и милитаристские хитросплетения западной политики неоконсерватизма (см. книгу Ф. Фукуямы «Америка на распутье»), настаивающая на необходимости некоего *трансформирующего* события, без которого США не смогут сохранить свое государство в XXI столетии);
- концепция технофеодализма и трансгуманизма как «псевдоморфоза» О. Шпенглер с его «птоломеевой системой истории»;

- идея инклюзивности (особенности) капитализма, его несменяемости, объявленная в 2020 году К. Швабом, и предполагающая «перестройку» миропорядка, рассчитанную до 2030 года. Она нацелена на то, чтобы западный «золотой миллиард» вышел «на траекторию устойчивой занятости», диктуемой новыми цифровыми и кибертехнологиями». Одновременно предполагается придать дополнительный импульс научно-техническому развитию, осуществить «декарбонизацию» (добиться «нулевого выброса парниковых газов»), «поставить природу в центр всей деятельности», обновить сотрудничество и синхронное взаимодействие западных государств и задушить экономическими санкциями «диссидентов», которые не должны быть допущены «в славный «дивный» мир» и лишены суверенитета, а их население правосубъективности;
- концепция «цифровой экономики» и ее модификации, призванная воспрепятствовать процессу самоотрицания капитализма и направленная на «упрощение» реальности посредством цифровой формализации, а также замену отношений между людьми общением человека с компьютером и с любыми программными системами- «роботами». Впоследствии людей должны заменить «киборги»- живые организмы, приобретшие новые способности благодаря встроенной в них электронике, то есть искусственному соединению биологии с цифровыми технологиями;
- близкая к предыдущей идея защиты эволюционной психологии, сопряженная с вычислительной теорией разума (Стивен Пинкер) и др.

Повернуть историко-эволюционный процесс вспять, ввергнув его во времена «нового» рабовладения с той лишь разницей, что в эпоху космополитического «человейника» и роботов-киборгов кнут надсмотрщика будет заменен средствами электронного контроля- это ли не предел мечтаний мировой клептократии? Ради этого она готова на все вплоть до переформатирования, как говорилось выше, холодной формы мировой войны в горячую.

Логика социальной эволюции будучи внутренней закономерностью исторического развития неумолимо свидетельствует, что капиталистические отношения, как и все предшествующие им типы отношений, перестают стимулировать развитие производительных сил. Последние превращаются в тормоз на пути дальнейшего прогресса и обречены остаться в прошлом. Однако обреченность капитализма не означает гибель человечества. Его развитие лежит на путях освобождения от Морока «цифрогеддона» и бережливого использования сформированного эволюцией природно-адаптационного потенциала Земли с тем, чтобы совершить прорыв в будущее, отбросив прочь все, что этому мешает [10].

Список литературы:

1. Россия-Запад-Восток: новая формационно-цивилизационная конфигурация мира. Колл. моногр. под научн. ред. д.э.н., проф. И.М. Братищева. М., 2021. – 736 с., с.7-36.
2. См.: Семенов Ю. И.Философия истории.- М.: Степной сад, 1993-с. 307-311.
3. См. работу Дж. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973).
4. Багдасарян В.Э. Миф постиндустриализма. //Завтра, 2020, №47.
5. См. там же.
6. Зиновьев А.А. Запад.- М.: Алгоритм, 2007.
7. См. работы О. Тоффлера: «Шок будущего» (1970), «Культурные потребители» (1973), «Доклад об экоспазме» (1975), «Третья волна» (1980), «Предварительные заметки и перспективы» (1983), «Восприимчивая корпорация» и др.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37.- С. 394.

9. См.: Россия-Запад-Восток: новая формационно-цивилизационная конфигурация мира. Колл. моногр. под научн. ред. д.э.н., проф. И.М. Братищева. М., 2021. – 736 с.

10. Субетто А.И. Историческое произведение России в XXI веке: трилогия:- Изд-е 2.- СПб: Астерион, 2022. См. также работу А.И. Субетто Ноосферное развитие. Ноосферный гуманизм. Ноосферная технология (очерки неосферной эмансипации человека).- СПб.: Астерион., 2021.